

Анна Старобинец – единственная писательница в России, которая связывает беллетристический стиль с жанрами мистической или фатастической литературы. Она сделала себе имя на своем первом сборнике, который был опубликован в 2005 году в издательстве *Лимбуспресс* под названием *Переходный возраст*. В этом году в том же издательстве вышел ее первый роман *Убежище 3/9*. В своей прозе она рассказывает и о буднях в России, и о мифах и мистических историях, которые превращают Москву в место жутких метаморфозов, революций и одержимостей. В то же время взгляд в ее текстах направлен на частную жизнь, на семью, на взаимоотношения. В сферу русских будней, в которой живут папа, мама, ребенок, прорывается мир киборгов, муровьев, ведьм и других фантастических фигур...

В *Убежище 3/9* рассказывается история молодой женщины по имени Маша. Яша, ее ребенок, сильно пострадал при аварии, долгое время находился в коме, а когда очнулся, оказался молчаливым аутистом. Маша отдала сына в детский дом для инвалидов, и с тех пор она работает журналистом-фотографом, путешествуя по Европе. Спустя несколько лет она вдруг теряет память и превращается в "нечистого" мужчину, в БОМЖа, которому снятся постоянно те сны и события из жизни Маши, которые она долгое время вытесняла: Во сне ей видится сказочный мир, в котором она встречает своего сына. Оказывается, с тех пор, как он/она потерял /а сознание, Машин сын бывший Яша живет героем Ваней в миресказке, вместе с Кощеем Бессмертным, Бабой Ягой, Лешим и с другими "нечистыми" персонажами русской (и отчасти немецкой) фольклорной мифологии. Маша-Нечистый умирает и сама попадает в этот мир, возвращается к брошенному ребенку. Так же, как и потерянный папа, тоже проживший некоторое время в превращении. "Возвращение" в убежище является и крайним спасением, так как повседневный мир кончается изза Загадочного "сдвига". В конце романа, когда и тот мир кончается, в мире фантастики, в подготовленном мальчиком убежище, посреди сказочных фигур, объединяется семья.

Анна Старобинец (1979 года рождения) живет и работает в Москве. Ее книги еще не публиковались на немецком языке. В интервью по электронной почте мы ее спрашивали о настоящей ситуации молодых писателей в России и о ее прежнем литературном творчестве.

новинки: Сначала нам хотелось бы узнать: Бывают ли вопросы к Вам как к писательнице, которые Вы вообще не любите?

Анна Старобинец: Ага. Бывают. Мне, например, не нравится, когда меня спрашивают: "Страшно ли вам жить?" (Вопрос возникает довольно часто...) Или: "Почему вы на вид такая милая, а проза у вас такая мрачная?". Я в этих случаях обычно теряюсь и вообще чувствую себя довольно глупо.

В Германии Вы являетесь неизвестной писательницей не только читателям, но пока и издателям, и литературоведам. В России, если прислушаться к мнению Льва Данилкина, Вас считают представителем нового поколения молодых профессиональных российских писателей, русские традиции или кумиров которых определить достаточно сложно.

Я, на самом деле, не вполне согласна с утверждением, что у меня нет вообще никаких литературных «корней». К русской традиции, как вы ее называете, я отношусь весьма уважительно – тот же Гоголь на меня повлиял очень сильно. Плюс Булгаков, плюс, простите уж за пошлость, Достоевский. Даже на уровне языка я стараюсь из этой самой традиции полностью не выбиваться – и какойнибудь там молодежный слэнг кажется мне не вполне подходящим регистром для литературы, пусть даже и десять раз современной. Что до западных «ориентиров» мне очень близко творчество Гофмана, Кафки, Брэдбери, из современных – Стивена Кинга и мастера готических сказок Нила Геймана. Кстати, роман Геймана Американские бог и один из моих любимых, так что в *Убежище 3/9* я даже позволила себе несколько литературных отсылок к нему.

Расскажите, пожалуйста, как Вы стали писательницей?

Сборник рассказов *Переходный возраст* я написала за несколько месяцев. Писала преимущественно по ночам, так как у меня был грудной ребенок и ежедневная работа в журнале. На вопрос, почему я начала писать, ответить я не могу. Начала – и все... Значит, мне этого не хватало. Возможно, одной из побочных причин было подспудное желание написать что-то, что мне самой (как литературному критику и просто читателю) хотелось прочесть – и чего я среди отечественных новинок не видела. Хоррор и мистика образца Стивена Кинга и Нила Геймана – не самый распространенный в нашей стране жанр.

Как так сложилось, что дебют у Вас вышел в виде сборника с одной повестью и короткими рассказами под названием *Переходный возраст* в издательстве *Лимбуспресс*?

Все очень просто. Окончив рукопись, я разослала ее в разные издательства. Пожелали ее напечатать – суммарно – в шести. Условия издательства *Лимбус* понравились мне больше всех прочих.

Вы работаете (или работали) журналисткой. У Вас ребенок. В одном интервью Вы рассказали, что писать беллетристику Вам удавалось

только ночью в течение 23 часов в единственное свободное от профессиональных и материнских обязанностей время. Изменилась ли ситуация, в которой Вы пишете как писательница, с тех пор?

Ситуация не изменилась: ребенок немного подрос, но никуда, слава богу, не делся. Я вышла замуж – но свободного времени от этого разве что убавилось... Работу я сменила (журнал на газету) – но новая работа занимает не меньше времени, чем занимала старая. К сожалению, отказаться от работы журналиста я не могу: писательство в нашей стране приносит доход, только если ты Борис Акунин или Александра Маринина. У ребенка, конечно, есть няня – но я все равно катастрофически ничего не успеваю. И Убежище было написано тем же ночным методом, что и первая книжка. Вероятно, у меня просто такой «ночной» метод, и с этим ничего не поделаешь...

Вы и Ваши молодые коллеги-писательницы, например, Анна Козлова женская часть нового поколения молодых российских писателей. Любопытно, что термин "женская проза" при попытке критики характеризовать Вашу литературу не применяется, в отличие от определения современной критикой прозы Петрушевской, Толстой или Улицкой. Вы не могли бы объяснить, почему это так?

Ну, это вопрос, наверное, не ко мне, а к тем, кто раздает эти «этикетки». Мне лично не близка (и даже неприятна) «дамская проза», но и мужественный Хэмингуэй из меня тоже вряд ли получится. Я вообще не люблю, когда литературный текст приобретает какуюто гендерную окраску. Надеюсь, то, что я пишу, действительно, невозможно определить по половому признаку.

Вашу прозу описывают как нечто совершенно новое в русской литературе. А как Вы считаете, в чем именно своеобразие Ваших текстов?

На этот вопрос я уже частично ответила в одном из предыдущих пассажей. Свообразие... Не ко мне, наверное, этот вопрос, но, если уж отвечать, я думаю, оно в том, что это вполне современные тексты, в которых приемы западной фантастики адаптируются под русскую литературу и российские реалии. То есть это тексты, выросшие на русской почве, но как бы «привитые» Кафкой и Кингом. В результате получается, наверное, довольно необычный гибрид. Кроме того, это как бы такие довольно «умные» тексты, рассчитанные на определенный уровень образованности читателя, что отечественной фантастике в целом не свойственно.

Вашу прозу сравнивали с Филипом Диком, Стивеном Кингом, с фильмами Дэвида Кронеберга. Как Вы относитесь к этому?

Хорошо отношусь. Куда приятнее, когда тебя сравнивают с Диком (даже несмотря на то, что я лично не большая поклонница его творчества) или

Кингом, чем с Марининой или Донцовой. А так, чтобы вообще ни с кем не сравнивали, наверное, не бывает. Чтобы объяснить читателю, что собой представляет тот или иной «новенький» писатель, сравнение необходимо это Я как журналист говорю.

Во всех Ваших рассказах, и в Вашей повести, и в новом романе, всегда есть два слоя, две действительности: повседневная реальность с совершенно заурядными, ничем не выдающимися персонажами, жизнь которых протекает без каких-то особых событий, а с другой стороны, мы находим жестокий в его неизбежности сюрреалистический мир, или – как в *Убежище 3/9* – сказочный, фантастический мир. В этом "втором" мире те же самые персонажи вплетены в него, и он превращает их бытие в ад, тем более, что фигуры изза невидимых сил и препятствий не в состоянии коммуницировать между этими двумя параллельными реальностями. Вот, например, в повести *Переходный возраст* косвенно рассказывается о распаде одной семьи после развода родителей. Но на первом плане повести стоит постепенная метаморфоза 12-летнего мальчика в человека-муравейника и совершенно беспомощное наблюдение отчаянной матери за изменением сына. В рассказе *Семья* представлен мужчина, который попадает в ситуацию, где аходится вдруг в "своей" семье, но совершенно не может ее принять как "свою", так как его прошлая жизнь и память совсем не совпадают с существованием этих людей. Почему Вы решили принять такую структуру сплетения повседневной реальности с сюрреалистическим, сказочным миром? Какую роль играет здесь этот "второй" мир является ли он отчуждением, метафорой для описанной повседневной реальности или чисто фантастическим элементом, который, например, ради читательского ужаса и с ним связанного удовольствия, нельзя расшифровать?

Ну, наверное, лично мне близок именно этот страх: вдруг обнаружить, в лучших традициях Дэвида Линча, что «совы – вовсе не то, чем кажутся». Людям – всем свойственен солипсизм, но при этом некоторые все же испытывают некоторый дискомфорт от того, что у них за спиной, возможно, стоит еще кто-то/ что-то. Я вот испытываю. Вообще (не хочется говорить банальности, но все же вопрос к этому подталкивает) двоемирие в моих книгах – это развернутая метафора нашего жизненного устройства и мироощущения. У нас «замыленный» взгляд на вещи и на себя – мы привыкли видеть все однозначным, чернобелым. На самом же деле у всего есть второе дно, обратная сторона, тени и оттенки, и наш привычный мир в любой момент – да, может перевернуться с ног на голову, и близкие – да, могут оказаться далекими, и сами мы то и дело рискуем наткнуться в себе на «чужого» незнакомого, неприятного... Для каждого Эго всегда ведь есть Альтерэго – и, как правило, контакт между ними установить очень трудно.

Можно ли сказать, что в прозе, в сказке, Вы видите возможность рассказывать о травмах русской реальности (несостоятельность семейной жизни, смертельные технические сбои, ужасающие ситуации в "социальных" учреждениях, люди-БОМЖы)? Как и Маша героиня Вашего романа *Убежище 3/9*, которая фотографирует ужасающих по внешности и поведению инвалидов в детском доме, потому что по другому ее охватило бы полное отчаяние, Вы превращаете ужас повседневной жизни в образы, в сказку, чтобы придать повседневной жизни фантастический смысл?

В жизни много страшного. Особого отчаяния я по этому поводу не испытываю – но, да, я это так вижу. Оптимист из меня уже вряд ли получится.

В литературе СССР не существовало жанра триллера или романа ужасов, в русской литературе 90 годов тоже не было ничего подобного. Почему только с Вас начинается открытие этого жанра в русской литературе?

Русская литература, как известно, лишь несколько лет, как вышла из кризиса. На протяжении более чем 10 лет у нас вообще не было книгоиздания в нормальном смысле – с широким спектром охвата жанров и читательской аудитории. Сейчас у литературы (и книгоиздания) – активный период роста, и практически все пустующие ниши заполняются. Заполняется и эта – фантастика, ужасы... Кроме того: сейчас пришло новое поколение (и я как раз из него) писателей, которые уже не хотят, не испытывают потребности да и, наверное, попросту не могут «переосмысливать» советское прошлое и ушедшую эпоху – а до недавнего времени это все же было главным культурным идефиксом (это касается не только литературы, но и кино) – какая уж тут мистика!.. Пришло и новое поколение читателей. Банальность, опять же, но чтобы в стране нормально воспринимались «бытовые ужасы» в стивенкинговском ключе – нужно, чтобы существовал некий миддлкласс. Прослойка людей с этим самым отлаженным бытом, которой сыто и уютно, которой есть чего бояться и что терять, и которая, кроме того, немного скучает – и испытывает потребность пощекотать себе нервы. Только когда твоя жизнь сама по себе не ужасна, тебе хочется читать про чьюто другую, ужасную. А когда ты нищ и неустроен – вот тогда хочется смотреть сериалы и читать дурно написанные романы о прекрасных дворцах, островах и счастливых, красивых людях (собственно, неспроста именно в начале девяностых в России был чудовищный бум дамского романа).

В рассказе *Живые* описаны апокалипсические сцены, напоминающие американские триллеры люди в машинах в пробке, нападение "тех", нечистых, злых властей, паника, убийство... Причем люди убивают роботов, что напоминает фильм Спилберга *Искусств венный разум*. Героиня рассказа постоянно смотрит фильм Джармуша *Мерт вец*. Ваш кинематографический опыт повлиял на Ваш стиль. Часто Ваш текст состоит из короткого и неприкрашенного описания действий и

сценических диалогов. Может быть, быстрое сообщение о планах экранизации *Убежище 3/9* можно объяснить тем, что Ваш стиль часто является чисто сценаристским?

Мой стиль не является чисто сценаристским – на мой взгляд. Со стороны, возможно виднее... А экранизировать можно, как известно, все, что угодно – от Льва Толстого до Александра Бушкова. У них что, тоже «сценаристский стиль»?

В *Убежище 3/9* включены политические намеки. У "российского президента" в Вашем романе всем известная из СМИ изуродованная внешность украинского главы Ющенко. Как это понимать? Президент является, как и в Поколение П Пелевина, лишь неживой марионеткой. Российскую политику возглавляет не он, а "нечистые силы". Как понять соотношение российской политики с апокалиптическим "сдвигом" концом мира?

Мне кажется, в нашей стране сейчас очень неприятное затишье, «сон» как в заколдованном королевстве. Страна управляется «никакими» людьми, это серая власть, безликая, ей можно приписать все, что угодно, ее можно «демонизировать» или «демократизировать», ее можно наделить любыми свойствами, в ней каждый видит то, что хочет, ее можно придумать – а по сути, ее нет. Пустота вообще опасна есть такой детский стишок: «Если долго в табакерке не хранили табака/ Заведется в табакерке чертте что наверняка»... Но особенно эта пустота «пустая власть» опасна для такой страны, как Россия. Люди здесь не привыкли к правам и свободам, не привыкли самостоятельно выбирать и нести ответственность за себя и страну – поэтому безликую власть они сами, по собственному почину, без всякого с ее стороны принуждения автоматически наделяют теми свойствами, к которым привыкли за семь с лишним десятков лет. У нашей нынешней власти нет лица – но мы сами рисуем ей лицо. Сначала в общих чертах, потом добавим конкретное выражение. Очень неприятное, недоброе выражение. Другого мы не видели.

Какие у Вас дальнейшие планы и проекты? Действительно ли будет экранизация *Убежище 3/9*, как об этом сообщалось?

Вопервых, я сейчас пишу новую книгу. Это будет сборник: короткий роман и рассказы. Жанр прежний – лирический триллер, мистика, фантасмагория... Называется *Резкое похолодание*. Вовторых, мы с моим мужем (который, как ни забавно, тоже писатель) планируем написать совместную книгу, фантастическую антиутопию. Это будет очень отличаться от того, что мы оба писали раньше по отдельности. А насчет экранизации я ничего не знаю – все права принадлежат издательству, меня по этому поводу никто не информировал.

Благодарим за интервью!

Книги Анны Старобинец:

Старобинец , Анна: Переходный возраст , СПб. 2005.

Старобинец , Анна: Убежище 3/9 , СПб 2006.

URL: http://novinki.de/html/zurueckgefragt/Interview_Starobinec.html